

УДК 82(091) (История литературы в целом. 801.73 Герменевтика. Толкование и критика текстам)

**И.С. ТУРГЕНЕВ А.П. СКАФТЫМОВА
(ПО РУКОПИСНЫМ МАТЕРИАЛАМ 1920-Х ГОДОВ)**

© 2021 Н.В. Новикова

*Новикова Наталья Владиславовна, кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской и зарубежной литературы
Института филологии и журналистики
E-mail: novikovanv@mail.ru*

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского
Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 20.05.2021

В статье речь идет о скафтымовском понимании И.С. Тургенева и о практических рекомендациях по его изучению. Начата она публикацией черновых материалов по теме в шестом выпуске Скафтымовских чтений (Москва, 2020). Предметом рассмотрения является еще одна часть рукописных заметок 1920-х годов, свидетельствующая об продолжающемся знакомстве исследователя с юбилейным тургеневедением и об интенсивной подготовке к работе спецсеминара по творчеству Л. Толстого. Фрагментарная публикация новых материалов осуществляется впервые.

Ключевые слова: И. Тургенев, Л. Толстой, А.П. Скафтымов, рукописные материалы 1920-х годов, рецепция миропонимания и эстетики писателя.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-110-113

Введение. Для филологов-литературоведов имя А.П. Скафтымова связано прежде всего с именами Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.Н. Островского и Н.Г. Чернышевского. Специальных работ, посвященных И.С. Тургеневу, у него нет, однако это не означает, что писатель отсутствовал в поле зрения исследователя: о пристальном внимании к нему свидетельствуют рукописные материалы. Они отражают повышенный научный интерес к И.С. Тургеневу в связи с его юбилеем и активную рецепцию тургеневедческих трудов со стороны саратовского ученого-педагога.

Если судить по книгам из скафтымовского собрания, молодой преподаватель штудирует монографии П. Сакулина и М. Гершензона 1918–1919-го гг. издания. С основной же частью приуроченных к юбилею работ об И.С. Тургеневе А. П. Скафтымову довелось познакомиться на протяжении 1920–1924-го гг., когда в его библиотеке и в научной библиотеке Саратовского университета друг за другом появляются соответствующего содержания сборники, монографии и пособия¹. О заинтересованном знакомстве начинающего учёного с новыми трудами о писателе-классике свидетельствуют многочисленные приметы его целенаправленного читательского восприятия: согласие-несогласие с автором передается и графически, и вербально, названные книги изобилуют разного рода пометками.

История вопроса. Впервые несколько страниц из свода рукописных заметок А.П. Скафтымова, относящихся к предметному рассмотрению художественного мира И.С. Тургенева, в извлечениях были опубликованы Е. Куликовой [1, с. 135, 147–149]. Часть «тургеневских» набросков чер-

нового характера вошла в недавнюю публикацию [2, с. 12–55]: выписки из книги С. Родзевича об И.С. Тургеневе, план работы открывшегося в самом начале 1920-х годов толстовского спецсеминара и семь подборок тем для студенческих докладов в нем. Однако, помимо названного, существует еще целый ряд подготовительных материалов по изучению личности и творчества И.С. Тургенева. Попытаемся часть из оставшегося расположить в относительной временной и логической последовательности, что будет способствовать, на наш взгляд, пониманию системы исследовательской работы ученого-педагога. Вновь остановимся на записях 1920-х годов.

Методы исследования: текстологический, описательный, сравнительный.

Результаты исследования. Начнем с подборки под заголовком «Толстой и литературная группа «Современника» 50-х и начала 60-х годов»². Следует уточнить, что И.С. Тургенев и его сочинения занимают А.П. Скафтымова не только сами по себе, но и в соотношении с фигурой и творениями Л.Н. Толстого, для изучения которого и создавался спецсеминар, поэтому многие записи напрямую или опосредованно адресованы его участникам. В данной подборке научным руководителем собрано около сорока источников по теме (переписка, дневники, мемуары, исследования биографического характера), появившихся в периодических изданиях и сборниках в диапазоне почти сорока лет, с 1883-го по 1922-й гг. Среди них – «Тургенев и Толстой» Б. Скворцова и затем В. Боткина, «Воспоминания о Тургеневе» Е. Гаршина. Заметим, что приведённой формулировке темы вскоре предстоит измениться в следующую: «Ближайшая литературная среда

Толстого в раннем периоде его литературной деятельности (группа “Современника” 50-х годов). Островский. Боткин. Дружинин. Тургенев. Чернышевский и другие» [2, с. 51].

Изменения с целью конкретизации, детализации предлагаемого для изучения вопроса коснутся и других тем. Поиск их оптимально выраженной формы особенно заметен применительно к осмыслению психологического анализа: рассмотреть «психологический рисунок» – одно из самых повторяющихся заданий [2, с. 46-53]. Так, обратимся к наброску под заголовком «Проблема авторского субъективизма в творчестве Толстого». Предполагается «сравнить в этом отношении» Л.Н. Толстого, Г. Флобера, Г. де Мопассана, а также Л.Н. Толстого и А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и И.С. Тургенева «и установить художественную индивидуальность Толстого относительно каждого из них. <...> Сравнить с этой точки зрения биографические данные о психологии творчества каждого из этих художников. Портретное письмо в творчестве Толстого (портрет, мимика и жесты)». Отсюда, надо полагать, проистекают такие научные сюжеты в перечне тем, как «литературное влияние Тургенева на Толстого», а также «психологический рисунок» в первую очередь у И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, затем – у Г. Флобера и И.С. Тургенева, у Ч. Диккенса и Л.Н. Толстого, у М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого, у А. Марлинского; кроме того, – более локальные темы, сориентированные на изучение отдельных элементов поэтики произведений.

Интерес ученого-педагога к раскрытию классиками внутренней жизни героя проявляется уже на начальном этапе становления спецсеминара. «К истории психологического рисунка в литературе» – под таким заголовком воспроизводится содержание статьи С. Аскольдова «Аналогия как основной метод познания», опубликованной в первом номере журнала «Мысль» за 1922-й год. А.П. Скафтымов воспроизводит, в основном пересказывая их, размышления филозофа, которые ему явно импонируют: «Чужая душевная жизнь постигается опосредствованно, а именно через посредство внешних телесных проявлений. Мы видим чужую душевную жизнь не сквозь её внешние обнаружения, как могли бы выразиться интуитивисты, а именно в них³. <...> Воспринимается именно в деталях, через детали, “ибо более общее и примитивное постижение даётся более простыми формами аналогии”». Внизу страницы, после обозначения того, откуда взята идея, – приписка простым карандашом, скафтымовское резюме: «Тут полнота использования конкретного материала искусства. Психика средствами искусства».

А далее А.П. Скафтымов, вслед за автором статьи, реконструирует «механизм» создания психологического рисунка: «Сначала наиболее крупно заметное (в теле). Поэтому и в психике

наиболее общее и примитивное (сюда слёзы, <...> разные жесты и прочее). Потом по тончайшим проявлениям мимики лица, по едва уловимым вибрациям голоса угадываются тонкие душевные свойства и настроения». По мысли исследователя, «процесс проникновения в психику через тело, через детали тела, звука, мимики, жеста и прочего» под силу только «реалистическому искусству», в связи с чем называются Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и И.С. Тургенев, причём последний уступает тем, кто в действительности идёт вослед: «примитивен, лишь разные наиболее заметные проявления, указывающие в психике на самое общее, без оттенков. Оттенки добавляются, описываются (если он о них знает)». Заметим, что к такому суждению А.П. Скафтымов склоняется на основании соотношения художественных индивидуальностей, что будет как методологически оправданный принцип рекомендоваться и для студенческих научных разысканий [2, с. 46-55].

Вне соотношения словно немислима и ещё одна распространённая в скафтымовских подборках тема: «Природа в творчестве Толстого».

Намечая пути раскрытия по-настоящему живописного образа, исследователь упоминает соответствующие аспекты: «Колорит. Пространство. Приемы [изображения – слово пропущено. – Н.В.] величины фигур, отдалённости и прочего». На этом фоне – ожидаемое: «Природа у Тургенева и Толстого». Однако после этого, возвращаясь к Л. Толстому, намечая, в соответствии с обозначенным, ему присущие «элементы живописных и пластических» особенностей «поэтики пейзажа», исследователь вносит два существенных дополнения: «1) Организация пейзажа внутри себя. 2) Роль пейзажа в организации целого»⁴. Они оказываются логически оправданным звеном в распознавании феномена образа природы в его живой «толстовской» конкретике, специфика которой открывается благодаря выходу за пределы имманентного рассматривания: «Интерполяция автора в композиции. Сравнить Гюго, сравнить Бальзак, сравнить Тургенев»⁵. Природу, художнически воссозданную автором «Записок охотника», предполагается сравнивать с той, что создаёт Л.Н. Толстой в своих «мелких рассказах», [2, с. 50]. К слову сказать, А.П. Скафтымов побуждает студентов анализировать «внутренний состав и генезис» «Записок охотника», а также рассматривать их в контексте «физиологических очерков своего времени» [2, с. 50-55].

В продолжение разговора о скафтымовском И.С. Тургеневе приведём короткую заметку с перечнем работ о писателе. Судя по всему, она появилась не раньше начала второй половины 1920-х годов, поскольку, наряду со столичной «Тургеневяной (1918–1922)» Н. Бродского и орловской «Тургеневяной»⁶ М. Португалова того же

года, указывается статья Л. Гроссмана о «Записках охотника» – «Ранний жанр Тургенева» – в составе его книги «От Пушкина до Блока» 1926 года издания. Заметим, что в рукописных материалах А.П. Скафтымова, отражающих его знакомство с юбилейной литературой о писателе, – это единственный случай её специальной фиксации: к части свежих тургеневедческих исследований учёный обращается как к концептуально важному контексту по ходу прочтения книги С. Родзевича [2, с. 30-43], к другой части – при составлении тем семинарских докладов, часть юбилейных трудов с пометками учёного вообще не фигурирует в его рукописных заметках.

И в заключение остановимся ещё на одном художественном явлении, притягательном для А.П. Скафтымова как исследователя и научного руководителя: в его «план-раздумье» начала 1920-х годов «К семинарию», среди более чем десятка ранних произведений Л.Н. Толстого, которые задумано разбирать на занятиях, «непрерывно сравнивая с Тургеневым» [2, с. 45], включён рассказ «Три смерти» (1858). В импровизированной обложке из сложенного пополам листа гладкой бумаги, на которой – название рассказа, – пять страничек разновременных⁷, на наш взгляд, фактографических и аналитических заметок, в том числе, в качестве итога – сравнительно с рассказом И. Тургенева «Смерть» (1848). По всей видимости, они представляют собой попытку собрать воедино имеющиеся черновые материалы и наметить контуры завершения анализа. Следовательно, прочтение толстовского рассказа через призму тургеневского не уходило из поля зрения учёного-педагога на протяжении как минимум двух десятков лет.

Разговор начинается, как всегда у А.П. Скафтымова, с изучения источников. Сохранена обширная выписка из письма Л. Толстого двоюродной тетке А. Толстой – о несогласии с впечатлением от главной «мысли» его сочинения: «Вчера я ездил в лес, который я купил и рублю, и там на берёзах распустились листья и соловьи живут, и знать не хотят, что они теперь не казённые, а мои, и что их срубят. <...> На всё законы, которых не понимаешь, а чувствуешь везде эту узду, – везде – Он. Совершенно к этому идёт моё несогласие с вашим мнением о моей штуке. Напрасно вы смотрите на неё с христианской точки зрения. Моя мысль была: три существа умерли – барыня, мужик и дерево».

На следующем листке, посвящённом «Трёх смертям», обращается внимание на «портрет и поведение барыни в карете» – со ссылкой на Б. Эйхенбаума, и на «описание кареты»: «Каждая вещь кричит о капризном деспотизме ненужного человека», рассматривать это следует сравнительно с «описанием ямской избы», которая в восприятии исследователя – «царство здоровых людей, и их не стесняет умирающий». Дается отсылка к «приёму лирического закругления новелл», который «отмечен Эйхенбаумом. <...>

Имеем законченное кольцо. Приём лирической композиции». Однако, подтверждая «внутреннее функционирование» обозначенного приёма, А.П. Скафтымов высказывает своё мнение на сей счёт: «Но этим значение приёма не ограничивается. Соответствие пейзажа такой смерти. Радость смерти. Цветение жизни около дерева. В смерти крестьянина до некоторой степени роль описания заменяет сон Настасьи. Для Эйхенбаума сон лишь предлог для мелочных самоценных описаний. Сон Настасьи не самоценен, средство для мысли». Исследователь полемизирует с Б. Эйхенбаумом как автором работ о Л. Толстом начала 1920-х годов (приверженность заявленной в них позиции будет закреплена в книге 1928-го года издания «Лев Толстой. 50-е годы»).

Отдельно следует сказать о наблюдениях сравнительного характера. Сначала – речь о «Смерти»: «Бесстрастно. Даже с шутками и балагурством. Ничего значительного. Удивление перед тем, с какою безропотностью и даже будничностью принимается смерть». Надо полагать, в равной степени это распространяется на всех героев, перечисленных далее: на Максима, на мужика, который «в овине обгорел», «(ждут и всё)», на мельника («грыжа»), на Авенира Сорокоумова, на старушку-помещицу. У Л. Толстого усматривается другое: «Значительное. В описании смерти берёт: величественное и лично растерянное, претенциозное, самолюбивое. Мужик – простота, покорность перед волей. Законно – напутствие. Великое и будничное. И будничное (сапоги) значительно. Дерево – просто и ясно, красиво». По А.П. Скафтымову, «итогом» соотношения является следующее: «У Тургенева без руководящей мысли, без ответа, как должно. У Толстого – учительство. Как надо и почему так надо. Христианское. <...> Она [барыня. – Н.Н.] гадка и жалка. Мужик [умирает. – Н.Н.] спокойно – “его религия – природа, с которой он жил”. Закон. Не отворачивается, просто смотрит в глаза. “Une brute есть счастье и красота, гармония со всем миром, а не такой разлад, как у барыни”».

Выводы. И.С. Тургенев будет появляться в рукописных набросках А.П. Скафтымова и впредь: при выявлении «приёмов характеристики» в военных рассказах Л.Н. Толстого, в узловых точках «программы» лекционного курса, когда требуется высветить индивидуально значимое в содержании и сюжетно-композиционной, стилистической данности толстовских произведений, в связи с размышлениями «о реализме Толстого» и о месте его «среди художников-реалистов». Присутствие И.С. Тургенева в творческом сознании А.П. Скафтымова исследовательски продуктивно.

Примечания

1. См. их описание [2, с. 12-29].

2. Здесь и далее записи ведутся преимущественно на четвертинках стандартных листов, гладких или в полоску, реже - на четвертинках тетрадных страниц, в основном – чёрными чернилами, единично – фиолетовыми или простым карандашом, в половине случаев – на обороте разного рода бумаг, не относящихся к предмету рассмотрения.

3. Здесь и далее подчёркнуто в рукописи.

4. Запись на этом листке ведётся простым карандашом, но оба пункта вставлены чёрными чернилами слева от первоначального текста.

5. Любопытный момент: перед последней фразой нить разговора о толстовском пейзаже прерывается записью о текущих делах: «Вторник 11 сентября 10 утра. Среда в 12 часов в здании Этнографического музея». Этот музей был открыт в Саратове 25 апреля 1920-го года, с 1921-го по 1931-й год он помещался в особняке братьев Шмидт как отдел областного музея. 11 сентября выпадало на вторник в 1923-м и 1928-м годах. Судя по внешнему виду и содержанию записи, её следует отнести к более раннему из этих сроков. Реплика эгодокументального содержания, помогающая датировать скафтымовские наблюдения о существовании толстовской поэтики пейзажа, свидетельствует отнюдь не о кабинетной обстановке

исследовательского труда, однако учёный, независимо от привходящих обстоятельств, требующих к себе внимания, не утрачивает способности сосредоточиваться на мысли.

6. В рукописи, по аналогии с предыдущей, ошибочно: «Тургеневиана».

7. На оборотной стороне обложки рукой А.П. Скафтымова – последний пункт некоего протокола: «Заявление зам. декана о предложении правления выработать штаты отделения для I-II курсов по новому учебному плану, для III-IV курсов – по прежнему плану» и приписка простым карандашом: «См. схему штатов». Если учесть, что А.П. Скафтымов имел к этому касательство, будучи деканом факультета русского языка и литературы Педагогического института, с 1934-го по 1938-й год, то получается, что обращение к «Трёх смертям» состоялось в этот промежуток времени. Но это вступает в противоречие и с замыслом работы, и с тем, что, судя по почерку, одна из записей сделана раньше остальных, к тому же, о чём говорит водяной знак, - на четвертушке листа писчебумажной фабрики Свободина и К°, которая после Октябрьской революции была переименована и запасов бумаги которой у университетского преподавателя не было.

1. Куликова, Е. И. Александр Павлович Скафтымов. Спецкурсы и спецсеминары // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Учёные-педагоги саратовской филологической школы / Под ред. проф. Е. П. Никитиной. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1984. - С. 134-155.

2. А.П. Скафтымов. <Об И.С. Тургеневе>. Публикация, вступительная статья, примечания Н.В. Новиковой // А.П. Чехов и И.С. Тургенев: Сб. ст. по мат-лам Международн. науч. конф. Шестые Скафтымовские чтения: к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева (Москва, 8-10 ноября 2018 года). - М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. - С. 12-55.

I.S. TURGENEV OF A.P. SKAFTYMOV (ACCORDING TO THE HANDSCREENED MATERIALS OF THE 1920S)

© 2021 N.V. Novikova

*Natalia V. Novikova, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Department of Russian and Foreign Literature*

E-mail: novikovanv@mail.ru

*Saratov State University
Saratov, Russia*

The article deals with I. Turgenev's Skaf'tym understanding and practical recommendations for its study, which began with the publication of draft materials on the topic in the sixth issue of Skaf'tym readings (Moscow, 2020). The subject of consideration is another part of the handwritten notes of the 1920s, which testifies to the ongoing acquaintance of the researcher with the anniversary Turgenev studies and to intensive preparation for the work of a special seminar on the works of L. Tolstoy. The fragmentary publication of new materials is being carried out for the first time.

Key words: I. Turgenev, L. Tolstoy, A. P. Skaf'tymov, handwritten materials of the 1920s, reception of the worldview and aesthetics of the writer.

DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-79(1)-110-113

1. Kulikova, Ye. I. Aleksandr Pavlovich Skaf'tymov. Spetskursy i spetsseminary (Alexander Pavlovich Skaf'tymov. Special courses and special seminars) // Metodologiya i metodika izucheniya russkoy literatury i fol'klora. Uchonyye-pedagogi saratovskoy filologicheskoy shkoly / Pod red. prof. Ye. P. Nikitinoy. - Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1984. - S. 134-155.

2. A.P. Skaf'tymov. <Ob I.S. Turgeneve>. Publikatsiya, vstupil'naya stat'ya, primechaniya N.V. Novikovoy (A.P. Skaf'tymov. <About I.S. Turgenev>. Publication, introductory article, notes by N.V. Novikova) // A.P. Chekhov i I.S. Turgenev: Sb. st. po mat-lam Mezhdunarodn. nauch. konf. Shestyie Skaf'tymovskiye chteniya: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Turgeneva (Moskva, 8-10 noyabrya 2018 goda). - M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2020. - S. 12-55.